

КОММЕНТАРИЙ • КУЛЬТУРА

Фигуры молчания

Какие новые формы искусства создает цензура

Сцена из спектакля «Хиросима». Фото: vnutri.space / hiroshima

15:14, 18 августа 2025,

Два года назад спектакль режиссера Александра Плотникова обозреватель «Новой газеты» Лариса Малюкова [описывала](#) так: «...В зал надо заходить осторожно: между сценой и первым рядом расстояние крошечное. А условная сцена полностью залита водой. По стенам бегут сначала иероглифы, они превращаются в русский текст, рассыпанный, собирающийся заново. Временами буквы и слова забегают на лица актрис. А отсветы «живой воды», кажется, шевелят стены».

Этот спектакль — «Хиросима» — в сентябре 2023 года Плотников поставил вместе с командой «Дочери Сосо», созданной под руководством режиссера и драматурга Жени Беркович. А премьера «Хиросимы» прошла накануне одного из судов над Беркович и Петрийчук.

В сентябре 2023 года Александр Плотников — молодой, набирающий силу режиссер, у которого идут спектакли по всей России, о нем пишут рецензии и т.д. Но соответственно специфике сегодняшнего дня, чем больше о тебе пишут рецензий, тем больше на тебя пишут доносов.

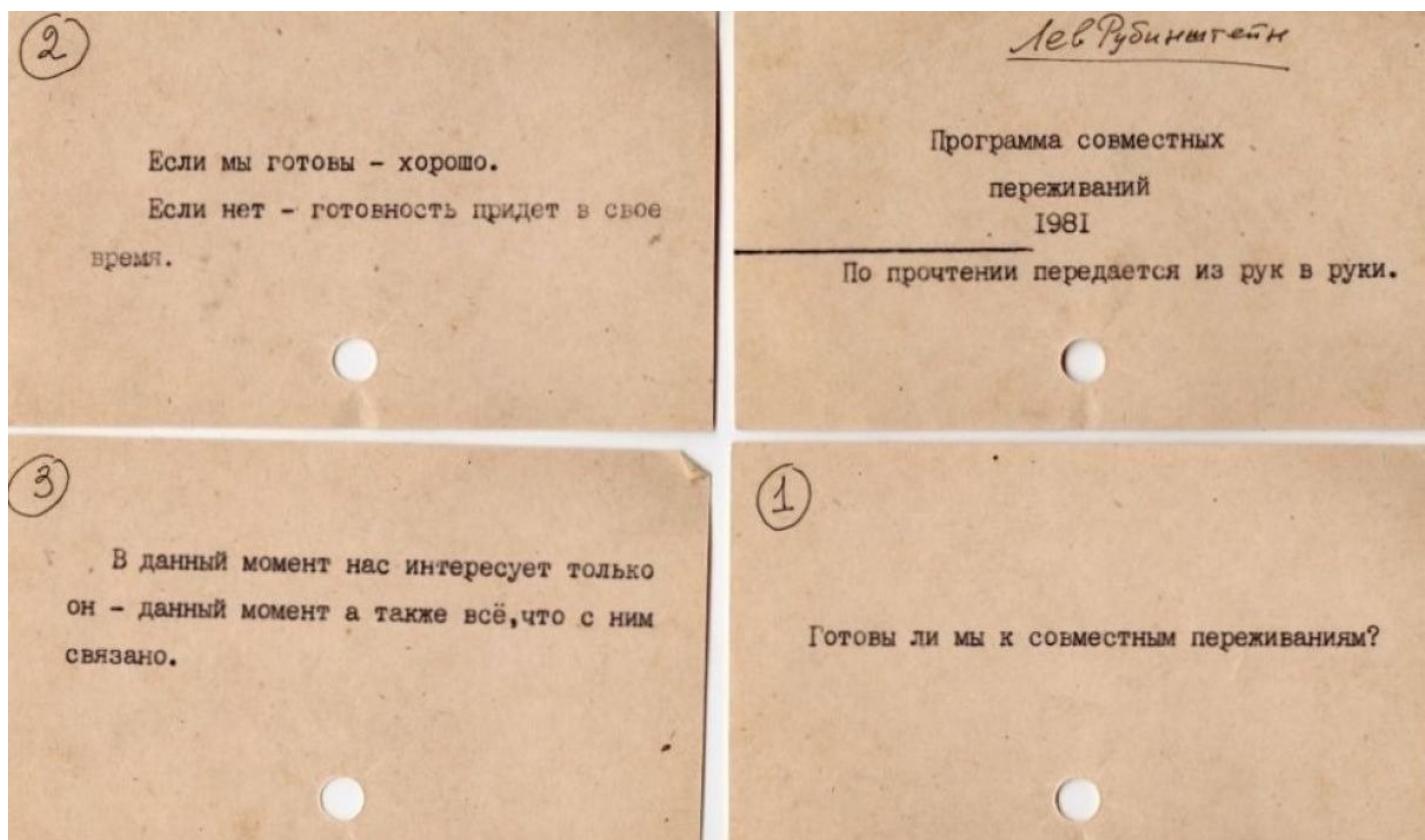
Теперь Александр Плотников живет в Ереване, а один из главных его сегодняшних спектаклей — «Альфа Центавра». Это минималистичный спектакль о спектакле: режиссер, автор текста и актер Александр Плотников стоит на пустой сцене — скажем, в подвале книжного магазина в Тбилиси — и рассказывает о том, как выглядел бы его спектакль, если бы у него была возможность его поставить.

Спектакль, которого нет, — большой разговор о незамеченных и маленьких. О тех космонавтах, которые по разным причинам не полетели в космос.

Это поэма о несостоительности мечты, что, конечно, отдается эхом по всему подвалу книжного магазина — спектакль как мечта о спектакле.

Такой лишенный театральных атрибутов разговор о театре и становится театром, потому что главный реквизит здесь — пустая сцена подвала тбилисского книжного магазина. То, что остается за текстом, в паузах, выворачивает наизнанку сам текст.

Когда-то, когда литература существовала на свитках, она была искусством произносимого слова, коллективным искусством: один читает, другие слушают. Со временем люди захотели уединяться с текстом. Появился кодекс — то есть книга в современном ее виде: такая форма текста изменила не только сами тексты, но и читателей. С каждым годом, с каждым столетием книги все больше и больше принимали удобную для интимного чтения форму. Но существуют времена, когда такая форма книги теряет весь свой смысл. Когда ты не можешь издать свой текст, то нет смысла его сочинять удобным для издания. Безусловно, кто-то и в 70-х был верен кодексу, перепечатывая и сшивая самиздатские книжечки. Но другие переизобретали эту форму.

Библиотечные карточки Льва Рубинштейна

Библиотечные карточки Льва Семеновича Рубинштейна, на которых он писал стихи, — не просто очередной эксперимент XX века: тут мы писсуар выдадим за объект визуального искусства, а тут на карточках стихи напишем — пусть, мол, думают, что все это значит. Эти карточки стали возможными благодаря изменениям в коммуникации автора и читателя: между ними нет никакой дистанции, автор — он же и есть друг читателя. Но сейчас он закончит читать. И читатель (он же — друг автора) поменяется с автором местами, сам станет автором. А автор (он же — друг читателя) займет место читателя.

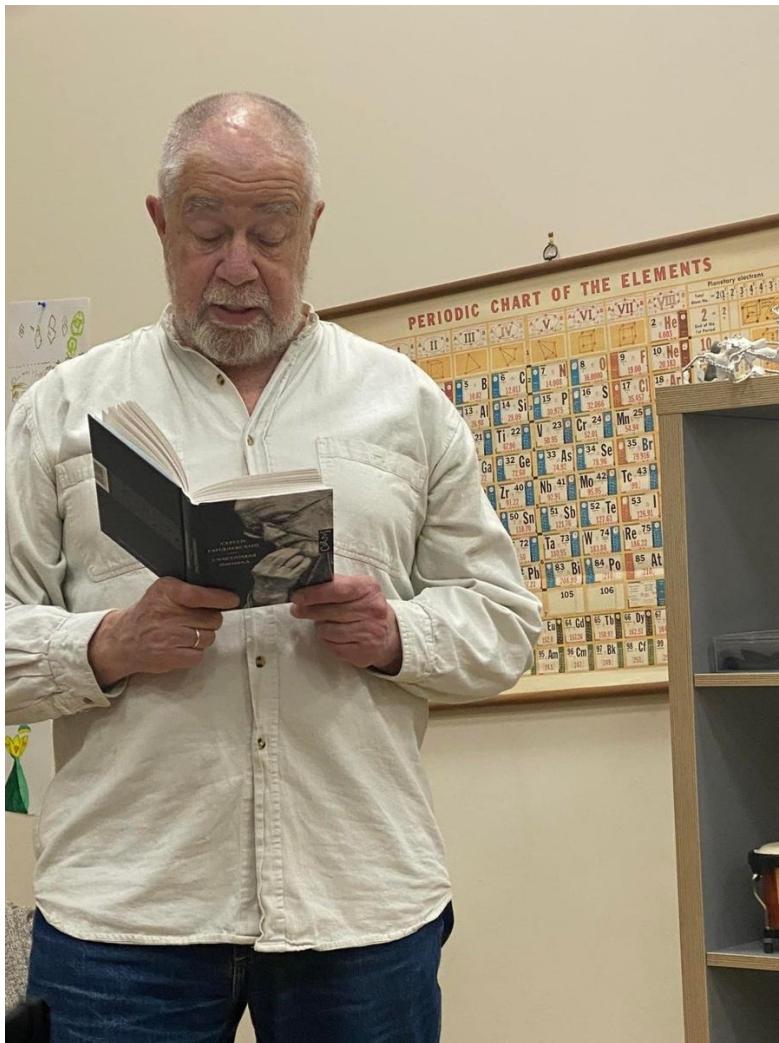
Читатель и автор, друг Льва Семеновича Рубинштейна Дмитрий Александрович Пригов изобрел форму «гробиков» — это не-тексты, то есть то, что Пригов как автор отринул (часто они так и назывались — «гробики отринутых стихов»). Но дальше, если не получилось придать тексту жизни, то можно наполнить его смертью, сделать его не-текстом, не-стихотворением, не-искусством. Современный новозеландский филолог Джейкоб Эдмонд называет это послежизнью (вслед за *Nachleben* Вальтера

Беньямина) «гробиков».

«Гробик» — кульминация паузы. Текст, в котором, кроме молчания (о тексте), нет ничего.

Уход от книги-кодекса как формы существования текста приводит к тому, что одна форма и остается — форма послежизни. Филологи Илья Кукулин и Марк Липовецкий в своей недавней книге «Партизанский логос: Проект Дмитрия Александровича Пригова» говорят, что «гробики» — это «своего рода святые мощи — останки, ценные тем, что представляют сохранившиеся фрагменты священного объекта — поэтического текста».

Недавно в другом тбилисском книжном магазине проходила презентация книги стихов Евгении Лавут. Но презентация была, автор была, стихи были, а книги не было: сборник только готовится к печати, его на тот момент просто не существовало. Если «гробики» — послежизнь, мощи, то здесь, получается, наоборот — эмбрион, дожизнь. При этом поэтесса не просто выступала на поэтическом вечере, а именно презентовала несуществующее. Точнее (что сегодня особенно важно), существующее, но только в устном слове, не в форме книги.

Сергей Гандлевский. Фото: соцсети

А примерно полгода назад Сергей Гандлевский читал свои стихи на квартирнике. После выступления к нему подбежало несколько человек, которые попросили поэта оставить автограф. Но в эмиграции не заведешь ни архива, ни домашней библиотеки, потому что и дом-то — вещь иллюзорная. Так что Гандлевский стал оставлять подписи на тех бумажках, на которых распечатал для вечера стихи, чтобы ничего не забыть. Так друг Льва Семеновича Рубинштейна и Дмитрия Александровича Пригова Сергей Маркович Гандлевский из эпохи подпольных квартирников в позднем СССР с отпечатанными на пишущей машинке самиздатскими сборничками, «гробиками» и стихами на карточках пронес собственные тексты через эпоху вседозволенности 90-х к очередному витку цензуры и репрессий 2020-х.

Цензура и отсутствие общего поля искусства приводят к кружковости. Кружковость приводит к звучащему слову: на квартирниках вы читаете друг другу свои тексты. Это ближе к античной эпохе свитков, чем к кодексу.

И не факт, что кодекс — самая удобная и подходящая форма существования текста. Впрочем, в издательстве Individuum недавно вышла книга режиссера Александра Плотникова «Альфа Центавра. Документальная поэма о космонавтах, которые не были в космосе», так что не будем пока хоронить и книгу.

Но в эпоху, когда независимое искусство существует от островка к островку, от кухни к кухне, от группки к группке, дистанция между автором и читателем/зрителем/слушателем предельно сокращается. Потому что когда ты не можешь издать свое стихотворение, тебе нужно его передавать своим читателям лично. Это меняет и само искусство, перемешивая виды и жанры: литература становится не только литературой, но еще и перформансом; перформанс — не только перформансом, но еще и визуальным искусством. И стихи на карточках Льва Семеновича Рубинштейна важны не только стихами и карточками, но и тем, что расположилось между ними, — пустотой, молчанием.

Федор Отрощенко

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

В поисках общего языка

Чем самиздат-журнал может помочь в эпоху разрыва культурных и человеческих связей: на примере одного отдельно взятого «Демагога»

19:08, 20 июня 2025,